

ПОСТВЕБЕРОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РЕЛИГИИ И ЭКОНОМИКИ В РУССКОЙ НАУКЕ

Д. К. Безнюк

Веберовский анализ схемы «протестантизм – капитализм» задал одну из «вечных» исследовательских проблем для социологов. После М. Вебера многие ученые опробовали эту схему на ином материале, в иных контекстах.

Русский религиозный мыслитель С. Н. Булгаков (1871–1944) попытался развить идеи «Протестантской этики» М. Вебера на материале российской действительности. Эта попытка отражена в его работах «Народное хозяйство и религиозная личность», «Философия хозяйства», «Христианство и социализм» и некоторых других. С. Н. Булгаков отмечал, что М. Веберу удалось изменить тенденцию одностороннего понимания (Д. Рикардо, К. Маркс, И. Бентам) сути «экономического человека» в европейской классической политэкономии, которая понималась только как утилитарный интерес (эгоистический, классовый и т. п.); М. Вебер указал на множественный характер мотивов (интересов) экономического поведения человека.

Принимая в целом модель М. Вебера, С. Н. Булгаков замечает, что изменения в отношении к труду приходят не с Реформацией, а с христианством (т. е. ранее, чем предполагал М. Вебер). Христианство вносит в труд этический элемент (труд как выполнение религиозного или этического долга); труд вписывается в аскезу (особенно в монастырях – послушание). Модель «протестантизм – капитализм» в Европе выступает классическим воплощением христианского понимания труда; для России это модель «старообрядчество – капитализм». Гонения на раскольников воспитали в них упорство и силу характера, которые сказываются на всех формах их деятельности.

Религия воспитывает отношение к труду через придание ему религиозно-этических оценок и способствует укреплению хозяйственно-экономической жизни народа: С. Н. Булгаков замечает, что влияние христианства в хозяйственной истории привело к тому, что оно высоко подняло достоинство труда, не признававшегося в древнем мире.

Исследование нашего соотечественника Н. М. Никольского «История русской церкви» (1931) служит как бы дополнением к схеме С. Н. Булгакова. Одна из тем – роль хозяйственной деятельности старообрядцев в становлении и развитии национального торгово-промышленного капитала в России XVII–XIX вв. Белорусский ученый считал, что механизм влияния старообрядчества на российскую экономику отличен от модели М. Вебера, в которой протестантизм воспитал рационально-аскетическую ментальность предпринимателей. В России староверы образовали *не новую ментальность* (идеологию), а *новые организационные формы* сохранения и распространения своей религии. Эти формы приняли окраску предпринимательской деятельности: колонизация и освоение территорий и торговых путей Поволжья, Урала, Сибири; создание торговых предприятий и союзов; создание касс взаимопомощи (разумеемся, единоверцам). Успехи хозяйствования староверов определяли, по мнению Н. М. Никольского, следующие причины: высокая степень сплоченности и солидарности, которые покоились на общности судьбы (гонения и несправедливости со стороны властей и церкви, трудности нелегального существования и т. п.); торговля хлебом, которая в большинстве регионов России почти полностью находилась в руках старообрядцев, так как именно они открывали и организовывали новые пути хлебного бизнеса; беспроблемная вербовка работников (наемник принимал староверие и автоматически освобождался от службы в армии, получал от своих хозяев-единоверцев деньги на выкуп из крепостной зависимости и т. п.; в отличие от протестанта в Германии старовер в России стоял практически вне закона, его силой были *только* деньги: капитал был оружием за веру, что привело к тому, что деньги перестали быть грехом, мирской утехой. Но для русского старообрядца (в отличие от европейского протестанта) деньги не стали высшей целью и благом, деньги – средство для общественного служения: продлить свою веру, поддержать единоверцев, дать заработок другим.

Дискуссии по поводу религиозной мотивации хозяйственно-экономической деятельности с особой остротой разгорелись после 1991 г., когда встал вопрос о потенциале православия в деле экономического возрождения России. Эта дискуссия перекинулась и в другие регионы постсоветского пространства, в том числе и в Беларусь, где были исследованы исторические и экономические особенности развития и функционирования иудаизма, протестантизма, православия, католицизма. Выводы этих исследований до сих пор дискутируются и свидетельствуют о разнообразии схем интерпретации и акцентации моментов в теме взаимовлияния религии и экономики.